А.Н. Хохлов
ИВ РАН

Китай в период президентства Юань Шикая: усиление пропаганды конфуцианства и попытка реставрации монархии

(*по материалам прессы и донесениям российских дипломатов*)

Период президентства Юань Шикая (1912–1916) – наиболее сложный период истории республиканского Китая. В политическом плане он характеризовался острыми коллизиями между республиканской оппозицией и президентом, стремившимся к установлению личной диктатуры. На этом фоне Юань Шикай развернул широкую пропаганду конфуцианства и в 1916 г. провозгласил себя императором.

Исследователи той эпохи традиционно отдают приоритет изучению политических игр, и в результате наименее изученным в отечественной и зарубежной историографии вопросом до сих пор остается роль конфуцианства в Китае после победы Синьхайской революции 1911 г. Между тем именно конфуцианство стало идеологической основой для попытки президента Юань Шикая восстановить монархию – благодаря его осторожной, выжидательной позиции в этом вопросе сторонникам конфуцианства удалось создать в стране благоприятную почву для движения в пользу реставрации монархии. Но восстановление монархии вызвало недовольство и открытые протесты, охватившие даже умеренных радикалов, не говоря уже о вооруженных выступлениях республиканцев на юге Китая и в его центральной части.

Чтобы полнее представить данную ситуацию в рассматриваемый период, достаточно обратиться к материалам прессы, а также к донесениям иностранных дипломатов, в том числе российских, в Пекине и провинциальных центрах, ранее недоступных отечественным авторам.

Уже в газетах, издаваемых в Петербурге, можно встретить оценки действий Юань Шикая по борьбе с республиканцами, которым удалось

© Хохлов А.Н., 2009

довольно быстро установить свою власть в Центральном и Южном Китае, с момента его назначения главой правительства. Борьба эта развернулась после победоносного Учанского восстания 10 октября 1911 г., ознаменовавшего начало Синьхайской революции. Популярная в Петербурге газета «Новое время» (12.10.1911) следующим образом характеризовала нового лидера: «Юань Шикаю 53-й год. Его карьера представляется особенно выдающейся. С декабря 1908 г. он [был] в отставке… Покойный китайский Бисмарк – Ли Хунчжан ценил выдающиеся дарования этого государственного деятеля и оказывал ему особое покровительство… Чрезвычайные события заставили, однако, цинский двор прибегнуть к его опытности и выдающемуся государственному уму. В данное время все взоры устремились на хитрого китайского деятеля. У многих дипломатов, знающих лично Юань Шикая, сложилось впечатление, что он в последнюю минуту перекинется на сторону оппозиции и пойдет во главе ее».

Более определенно оценивала действия Юань Шикая другая известная столичная газета «Россия», которая 3/16 декабря того же года так характеризовала его на фоне происходивших тогда в Китае событий: «Переговоры, начатые фактическим диктатором Китая Юань Шикаем, все еще не привели ни к каким определенным результатам, несмотря на все усилия этого государственного деятеля покончить как можно скорее с революционным движением… В газетах были уже опубликованы те условия, на которых Юань Шикай согласился заключить мир с революционерами, и если внимательно вникнуть в содержание выработанного им компромисса, то придется прийти к заключению, что Китай по крайней мере фактически, если не юридически, превратится из монархии в республику… По-видимому, республика, о которой мечтает Юань Шикай, будет отличаться от европейского понятия этого слова тем, что в ней будет предоставлено широкое поле деятельности тому лицу, которое станет во главе исполнительной власти. А так как, само собою разумеется, что лицом этим будет не кто иной, как Юань Шикай, то становится понятной и та двойственная роль, которую он играет в революционном кризисе, переживаемом Китайской империей».

Развернутую оценку Юань Шикаю как видной политической фигуре газета «Новое время» дала в статье молодого китаеведа Д.М. Позднеева «Юань Шикай – президент Китайской Республики», опубликованной 9/22 февраля 1912 г. Насколько достоверен и удачен портрет нового лидера Китая в результате отречения от китайского престола маньчжурской династии Цин, правившей этой страной с 1644 г., позволяют судить приводимые ниже пассажи из упомянутой статьи: «Возвращение Юань Шикая к активной деятельности, завершившееся избранием его на пост президента Китайской Республики, у всех слишком на памяти… Гораздо более интересными представляются вопросы: почему именно избран Юань Шикай и чего можно ожидать от него как главы государства?

Для объяснения избрания Юань Шикая в президенты прежде всего нужно обратить внимание на то, что нынешние главы китайской революции: У Тинфан, Чэн Дэцюань, Тан Шаои, Ли Юаньхун, Хуан Син и

др. почти все являются по прежней своей карьере или сослуживцами и сотрудниками, или подчиненными, или учениками Юань Шикая. Они знают ему цену как администратора и, будучи близко знакомы с китайской жизнью, хорошо сознают, что в такую минуту, как настоящая, управлять Китаем может только железная рука…

Из всех нынешних лидеров республики нет ни одного, могущего хотя бы несколько сравниться с Юань Шикаем по административному опыту. Сунь Ятсен – теоретик, изучавший конституционные начала за границей и привыкший вращаться среди заграничных китайцев, но совершенно не знающий действительных условий текущей китайской народной и административной жизни. У Тинфан – хороший юрист, знающий внешнюю политику, английский язык и умеющий обращаться с иностранцами, но не занимавший никогда ни одного поста внутри Китая. Тан Шаои – слишком молод, Ли Юаньхун и Хуан Син хотя и зарекомендовали себя успешными действиями против правительственных войск в долине Янцзы, но кроме этого они ничем не известны. Естественно поэтому, что, сознавая свою слабость, они обратились к помощи Юань Шикая.

Далее, китайцы прежде всего практики (прагматики). Они отлично понимают, что никакой государственной реформы нельзя провести без денег; они знают, что в Китае денег нет и что их нужно искать за границей. Поэтому на посту президента республики они желают видеть такого человека, самая фигура которого внушала бы европейцам доверие и способствовала бы укреплению кредита Китая на иностранных биржах. Недавняя история увольнения Юань Шикая [в 1908 г.] от службы, вызвавшая целый ряд представлений разных иностранных посланников в защиту потерпевшего, ясно показала китайцам, какое значение западный мир придает личности и работе Юань Шикая. С этой точки зрения *Юань Шикай для китайцев – высоко котирующаяся бумага, и никто лучше не умеет учитывать ее стоимость на заграничном рынке* (здесь и далее курсив мой. – *А.Х.*). Основательность такого рода китайских соображений подтверждают нам уже пришедшие после избрания Юань Шикая президентом телеграммы, сообщающие, что новым главою государства немедленно начаты переговоры с группою английских и германских банкиров о заключении нового внешнего займа.

Затем, в *Юань Шикае ценится громадное влияние над армией, и республиканцы сознают, что враждебные отношения с Юань Шикаем, располагающим единственною, правильно организованною армиею, опасны.*

Наконец, только благодаря Юань Шикаю республиканцам удалось добиться столь легкого отречения Дайцинской династии, являвшейся для республиканцев главнейшим препятствием к достижению поставленной цели. Что сам Юань Шикай играл при этом двойную игру, это едва ли может подлежать сомнению.

Часто говорили о пристрастии Юань Шикая к той или другой национальности из иностранцев. Это, однако, едва ли верно. Кто из них в данную минуту оказывался ему по политическим и другим соображениям удобным, тем он и пользовался».

Вопрос о конфуцианстве в жизни постимперского китайского общества приобрел особую остроту из-за статьи 6-й Временной Конституции Китайской Республики. Она гласила о том, что «все китайские граждане пользуются правом свободы совести». Чтобы снять напряжение, создавшееся у населения разными толкованиями данной статьи, Юань Шикай как временный президент выступил 16 апреля 1912 г. на сессии Палаты представителей со следующим разъяснением: «Согласно началу религиозной свободы, все существующие в Китае религии должны рассматриваться как равные. Поэтому все граждане Китайской Республики независимо от того, являются ли они свободомыслящими или же исповедуют ту или иную религию, должны прилагать все усилия к устранению всяких распрей между собою на религиозной почве, дабы совместно пользоваться благами мира». Это заявление, в искренности которого сильно сомневались многие иностранные миссионеры, разбросанные повсюду в Китае, произвело громадное впечатление на китайцев, подкрепленное в 1913 г. просьбою правительства к христианским проповедникам помолиться о благополучии Республики.

После такого выступления главы государства стало казаться, что культ Конфуция теряет свое значение. В результате некоторые деятели заговорили о необходимости уничтожения этого культа, а министр народного просвещения в первом республиканском кабинете Цай Юаньпэй даже собирался внести в этой связи предложение в Палату представителей. В ответ посыпались протесты против уничтожения культа Конфуция. Например, шанхайская газета «Синьвэнь бао» в номере от 1/14 августа 1912 г. писала по этому поводу: «Учение Конфуция в течение веков поддерживает мораль и нравы Китая, и если в один прекрасный день уничтожить это учение, то, без всякого сомнения, китайцы сделаются безнравственными и нравы [населения] испортятся». В связи с тем, что последовавшее за революцией учреждение республики принесло с собою новые идеи и понятия, способные привести к подрыву традиционных устоев китайского общества, известный революционер Хуан Син, активно боровшийся за свержение маньчжурской династии, в сентябре 1912 г. направил Юань Шикаю доклад о необходимости поддержания морали и старых добрых нравов путем сохранения и внедрения в умы населения восьми основных добродетелей Китая: сыновней почтительности, братства, преданности, доверия, вежливости, справедливости, честности и стыдливости, иначе говоря, «религии ученых» (*жуцзяо*), или учения Конфуция. На это последовало согласие президента Республики в виде указа от 20 августа / 7 сентября, ставшего знаменательным событием в общественной и политической жизни страны.

В ноябре того же года бывший инспектор народного просвещения Шэнь Цзэнчжи в Международном институте в Шанхае прочитал лекцию «Религия – всеобщий факт», в которой доказывал необходимость сохранения конфуцианства как религии Китая.

Стремление китайского правительства к признанию конфуцианства государственной религией наряду с преследованием этических целей нередко воспринималось как акт противодействия распространению христианства, против чего энергично выступал американский миссионер Джильберт Рейд, которого иностранцы считали лучшим знатоком тогдашнего Китая. Он опровергал точку зрения о том, что поддержка конфуцианства может повредить распространению христианства, и горячо приветствовал движение в пользу конфуцианства[1]. Совершенно иного мнения в связи с высказываниями Дж. Рейда придерживался автор статьи, опубликованной еженедельной газетой «Норс Чайна геральд» (Шанхай) 30 августа 1913 г. под заголовком «Государственная религия для Китая. Движение в пользу принятия конфуцианства». По заявлению автора статьи, лидеры этого движения выступали за то, чтобы в постоянную Конституцию Китайской Республики был включен параграф, согласно которому конфуцианство объявлялось государственной религией с учетом религиозной свободы граждан. Это, по его мнению, не только угрожало распространению христианства, но и могло вызвать неприязненные отношения между адептами других вероисповеданий: мусульманами, буддистами и даосами. Как указывалось в статье, во главе движения стояли акад. Чэнь Хуанчжан, получивший ученую степень доктора философских наук в Колумбийском университете США и избранный вице-президентом Общества Конфуция в Пекине, а также Янь Фу, бывший товарищем (заместителем) министра народного просвещения при династии Цин.

11/24 сентября 1913 г. вице-президент Китайской республики и губернатор провинции Хубэй Ли Юаньхун телеграфировал в Пекин высшему руководству страны о необходимости признания конфуцианства государственной религией. Тем временем губернаторы провинций по инициативе членов Общества Конфуция Чэнь Хуанчжана, Янь Фу, Лян Цичао, Ся Цзэнъю, Ван Шитуна, вполне одобряя действия Ли Юаньхуна, разослали уездным начальникам предписания о необходимости внедрения в сознание населения идеи о том, что вне конфуцианства нет спасения для Республики. Примером такого распоряжения провинциальных властей российский консул в Кантоне (Гуанчжоу) А.Т. Бельченко называл предписание губернатора провинции Гуандун Лун Цзигуана, появившееся в местной провинциальной газете[2].

На усиление интереса в Китае к конфуцианству указывал, например, тот же российский консул А.Т. Бельченко 24 сентября 1913 г. в донесении российскому посланнику в Пекине В.Н. Крупенскому: «Совершенно незаметный 30 лет тому назад день рождения Кун-фу-цзы… по-видимому, делается национальным праздником[3], а самое учение Конфуция общею национальною религиею… Громадная разница в отношении, например, кантонской прессы к культу Конфуция несколько лет назад и ныне. Тогда газеты называли Кун-фу-цзы весьма способным, старательным и добросовестным человеком, великим толкователем

своим соотечественникам искусства управления и способа, каким должны управляться семейства, чтобы жить в согласии. Ныне [наблюдается] другая картина: Конфуций – благой, мудрый, святой. Как воды покрывают моря и звезды блещут над всем земным шаром, так и влияние Конфуция самое совершенное, самое полное и блестящее. Конфуцианство – только одна религия. Оно не опирается на бормотание духов и демонов, не верит в силу Бога, не имеет никакого отношения к басням, которые говорят о Подземном царстве, алчных демонах, жертвенных животных и о таких делах, которые по исследованиям ученых людей найдены принадлежащими к другим религиям. Кун-фу-цзы по справедливости герой среди героев прошлого, основатель одной из древнейших религий в свете, по отношению к которой все другие религии и системы морали должны занимать подчиненное место...

Все указанные мною факты, – подчеркивал российский дипломат, – свидетельствуют о желании китайского правительства создать в противовес христианской религии свою собственную в виде конфуцианства. Но мне кажется, на стремление создать собственную [государственную] религию нужно смотреть гораздо глубже. Нет никакого сомнения в том, что создание [ее] имеет в виду полное объединение всего Китая вокруг культа Конфуция»[4].

9/22 июля 1913 г. появился любопытный указ Временного Президента Республики, в котором Юань Шикай заявил: «После изучения истории Китая и мнения ученых людей я, Президент, уверен, что Кун-фу-цзы должен быть и оставаться учителем десять тысяч веков. Но в Республике власть принадлежит народу, и право свободы совести должно быть уважаемо. Поэтому циркулярная телеграмма была послана Кабинетом в провинции по поводу [выяснения] мнения большинства нашего народа в отношении жертвенных церемоний, [связанных с] Кун-фу-цзы, и мы еще не получили их ответов. Ныне мы имеем лишь телеграмму от Инь Чанхэна [– Комиссара по усмирению окраин в провинции Сычуань], советующего, что бы училищам и школам по всей стране было предписано соблюдение жертвенных церемоний Конфуцию, и это является правильною мыслью. Настоящим предписывается – коль скоро будут получены ответы из провинций, тщательно выработать правила для жертвенных церемоний Конфуцию, как знак глубокого [к нему] почитания. При нынешней безнравственности, когда народ считает неповиновение равенством и своеволие свободою, прочность и существование страны зависит от применения четырех добродетелей; и мы надеемся, что преданность Кун-фу-цзы вообще возродит умы народа так, что существование Республики будет обеспечено навсегда»[5].

Активная пропаганда конфуцианства, заметно усилившаяся в 1912–1913 гг., в последующие годы создала в Китае благоприятную почву для развертывания в стране управляемой сверху кампании в пользу реставрации монархии. Об этом позволяют судить донесения

российского посланника в Пекине В.Н. Крупенского, из которых одно от 26 августа 1915 г. приводится ниже (в сокращенном виде):

«*Монархическое движение в Китае,* о развитии коего я имел честь доносить... 12 сего августа за № 44, пошло... *за истекшие две недели еще более ускоренным темпом*. По почину Общества „Чоу-ань хуэй“ из разных мест Китая стали поступать в Пекин телеграммы с изложением пожеланий о восстановлении монархического строя. В том же смысле поступили заявления от имени большинства провинций, как Собственно, так и Застенного Китая, причем... *в большинстве случаев в качестве представителей этих провинций, особенно наиболее отдаленных, самозвано выступили не имевшие на то ни малейшего права проживавшие в Пекине либо уроженцы этих мест, либо лица, прежде занимавшие в них административные должности*. Наконец, Президенту недавно была представлена вновь назначенным цзянцзюнем трех маньчжурских провинций Дуань Чжигуем петиция, подписанная всеми цзянцзюнями и военными губернаторами, с ходатайством о скорейшем разрешении вопроса об окончательной форме правления путем восстановления монархии. Подобная же петиция подана Совещательной палате (Цаньчжэнъюань. – *А.Х.*) от имени всех торговых палат Китая».

Столь быстрый и неосмотрительный образ действий поощряемых свыше заправил монархического движения возбудил, однако, живейшие опасения некоторых наиболее опытных и осторожных китайских деятелей. Несмотря на свою беспредельную преданность Юань Шикаю, они сочли долгом высказаться перед ним в том смысле, что не считают настоящий момент благоприятным для осуществления (признаваемой, впрочем, в принципе желательной) перемены формы правления в Китае[6].

Когда В.Н. Крупенский был запрошен приближенными к Юань Шикаю лицами по вопросу возвращения Китая к монархическому строю, российский дипломат высказался в более или менее одинаковом смысле с английским посланником Дж. Джорданом. Это видно из текста цитируемого ниже его донесения от 26 августа 1915 г. «Я высказал мнение, что в настоящее время общее международное политическое положение не благоприятствует каким-либо переменам, могущим создать для Китая внутренние или внешние осложнения, и что мне казалось бы поэтому предпочтительным как в интересах Китая вообще, так и Президента отложить до окончания [мировой] войны осуществление мысли о восстановлении монархии… Мои слова тотчас были переданы Президенту, и два дня назад Юань Шикай прислал ко мне доверенное лицо, чтобы выразить его искреннюю благодарность за откровенно высказанное мною мнение... и сообщить, что он [Юань Шикай] намерен отложить до окончания европейской войны решение вопроса о перемене государственного строя в Китае. Вместе с тем Президент поручил своему посланцу [доверенному лицу] объяснить мне, что он не принимал никакого участия в возникновении монархического движения и готов исполнить лишь то, что от него потребует народ во имя блага страны».

В тот же день, когда российскому посланнику было сделано от имени президента вышеупомянутое сообщение, Юань Шикай обратился к Совещательной палате с посланием, в котором он высказывался против изменения в настоящую минуту формы государственного правления. В этом же смысле им был послан по телеграфу ответ на петицию *цзянцзюней* и военных губернаторов Маньчжурии. «Уже говорят, – сообщал В.Н. Крупенский, – что в их среде произошел раскол. Некоторыми из них ныне распространяется мысль о возможности... компромисса, который выразился бы в провозглашении Юань Шикая „императором Китайской Республики“ либо в объявлении его „наследственным президентом“»[7].

Чтобы убедиться в попытках Юань Шикая для вида занять «нейтральную» позицию в вопросе замены республиканского образа государственного управления на монархический, достаточно обратиться к тексту его послания, направленного Совещательной палате. Судя по публикации этого важного документа в газете «Ясия жибао» от 25 августа 1915 г., Юань Шикай заявлял: «Вследствие того, что за последнее время на имя Совещательной палаты, заседающей ныне в качестве законодательной палаты, поступило прошений более чем от 20 провинций касательно изменения государственного устройства, Президент Республики вчера через посредство старшего советника Государственного департамента Ян Шици отправил послание на имя названной палаты следующего содержания: „Будучи облечен доверием населения, я уже в течение четырех лет занимаю пост Президента Китайской Республики. То обстоятельство, что за последние дни одна провинция за одной подает в Совещательную палату... петиции об изменении государственного строя, является явлением, трудно совместимым с занимаемым мною положением Президента Республики. С другой стороны, однако, будучи избран в Президенты волей всех граждан Республики, я, конечно, обязан постоянно прислушиваться к их голосу... По моему мнению, с вопросом об изменении государственного устройства связаны многочисленные подробности (т.е. процедуры. – *А.Х.*), к коим надлежит относиться со всевозможной осторожностью; всякий необдуманный шаг в этом направлении грозит серьезными затруднениями, посему я в качестве Президента Республики, на коем лежит обязанность защиты высших государственных интересов, отношусь к этому вопросу отрицательно. Что же касается петиций от населения, то важно, чтобы они были вызваны желанием укрепить основу государства и поднять государственное могущество. Если будет выяснено настроение большинства населения, то само собою разумеется, будет найден и наилучший выход из создавшегося положения. Кроме того, в данное время как раз происходит выработка проекта постоянной конституции для Республики, а потому, если будут приняты во внимание и подвергнуты подробному обсуждению все обстоятельства, то будут придуманы и наиболее подходящие к нынешнему положению вещей меры“»[8].

Насколько двусмысленным было по существу это послание Юань Шикая, мечтавшего о неограниченной императорской власти, достаточно обратиться к его реальным закулисным действиям и переговорам, о чем писали иностранные дипломаты, в том числе В.Н. Крупенский, судя по его депеше от 12 августа 1915 г., в которой он сообщал: «Ссылаясь на донесения мои от 1-го минувшего июля и 5-го сего августа за № 34 и 41 касательно вероятного возвращения Китая к монархическому строю, считаю долгом сообщить, что вопрос этот продолжает весьма быстро продвигаться к разрешению в утвердительном смысле и ныне является здесь главнейшей злобой дня... Как я узнаю из близких к Президенту кругов, *сам Юань Шикай все более и более открыто высказывается в пользу монархической формы правления, сторонниками которой, по его словам, являются 9/10 политических деятелей Китая* (нужно заметить, что все теперешние эти деятели – ставленники Юань Шикая). При этом Президент не только выказывает себя теперь, в тесном кругу приближенных к нему лиц, готовым выступить согласно „всенародному желанию“ на китайский престол, но проявляет даже по временам стремление вернуться ко временам прежней неограниченной императорской власти. Доверенным его советникам удалось, однако, кажется, убедить его в целесообразности оставления в силе хотя бы внешних признаков конституционного строя»[9].

Упомянутое выше послание Юань Шикая вместе с другими его мерами по укреплению личной диктатуры практически развязало руки его сторонникам-монархистам. 28 ноября Цаньчжэнъюань (Совещательная палата), наделенная президентом полномочиями законодательного органа, представила Юань Шикаю доклад о результатах голосования относительно выбора формы государственного правления и кандидата на высший административный пост в новой системе государственного управления. В ходе выборов Юань Шикай был единогласно избран императором в связи с установлением монархического строя в Китае. Первым декретом он заявил, что не может отказаться от клятвы, данной им на верность Республике, а вторым изъявил готовность подчиниться воле народа при сохранении прежнего порядка управления страной. 30 ноября во дворце Юань Шикая состоялся прием для высших сановников, принесших ему поздравления в связи с принятием императорского титула. Во время приема гостей Юань Шикай в форме верховного главнокомандующего стоял впереди императорского трона, а сановники по очереди совершали принятый при цинском дворе обряд *коу-тоу*, заключавшийся в трех земных поклонах с коленопреклонением.

В день Нового года во дворце Юань Шикая состоялся парадный прием для высших военных и гражданских чинов, представителей маньчжурского дома и монгольских князей, иностранных советников и дипломатического корпуса столицы в полном составе. Юань Шикай вышел к гостям в мундире фельдмаршала китайской армии. Присутствовавшие

на новогоднем приеме китайцы приветствовали его тремя поясными поклонами, а иностранцы – наклоном головы.

В последний час уходящего старого года – 31 декабря 1915 г. (по н.ст.) Юань Шикай подписал указ о наименовании следующего года девизом *хун-сянь*, что означало «великое устроение», которое, однако, не оказалось столь благоприятным из-за острой политической борьбы, разгоревшейся между Юанем и его противниками-республиканцами.

Оставляя в стороне перипетии и детали правления Юань Шикая в качестве императора в течение 82 дней[10], наполненных ожесточенной борьбой с противниками монархии, отметим, что на почве неудач он тяжело заболел и скончался, о чем иностранные дипломаты, находившиеся в китайской столице, поспешили сообщить правителям своих стран. В их числе был и представитель России Н.А. Кудашев, прибывший в Пекин на смену В.Н. Крупенского.

Интересные сведения о последних днях жизни и смерти Юань Шикая, основанные преимущественно на материалах дальневосточной прессы, сообщает «Харбинский вестник» в № 3788 от 1 июля 1916 г., о чем позволяют судить приводимые ниже отдельные пассажи: «Много толков и рассказов приводится в печати о последних днях жизни президента Юань Шикая, но достоверность их находится под сомнением. Бывший член Государственного совета, прибывший в Мукден в день смерти Юань Шикая, передает, что президент за 10 дней до смерти был уже прикован к постели, страдал галлюцинациями [и почти] лишился дара речи. У постели больного за четыре дня до смерти состоялось совещание премьера [Дуань Цижуя], [бывшего военного министра] Инь Чана и других сановников. Президент с раздражением говорил о предъявлении ему со всех сторон требования об отречении и заявлял, что ни при каких обстоятельствах не уйдет со своего поста. Его распоряжения и указания передавались главе Кабинета Министров старшим сыном президента Юань Кэдином.

В Мукдене, на основании пекинских слухов, уверены, что президент отравлен. От многих лекарств он отказывался, боясь отравления.

Японский [печатный] орган „М.Д. Ньюс“, признавая большой ум Юань Шикая, называет его... аморальным. Газета проводит параллель между Юань Шикаем и германским кайзером Вильгельмом. Оба они представляются газете поклонниками правила: сила есть право, и притом в самом отталкивающем виде. В его самой любезной улыбке часто скрывались убийственные, самые бесчеловечные... намерения, исключительно себялюбивого характера. Много достойных жизней сметено его рукой, не останавливавшейся ни перед чем...

Смерть президента последовала в 10 час. 45 мин. утра 24 мая. В час дня премьером было объявлено населению и сообщено посланникам о вступлении вице-президента Ли Юаньхуна в исполнение президентских полномочий. Передача этих полномочий оглашена последним приказом Юань Шикая, скрепленным членами Кабинета Министров: Дуань Цижуем,

Цао Жулинем (за министра иностранных дел и министра [путей] сообщений), Чжо Цзыци (министр финансов), Лю Гуансю (морской), Чжан Чжунсяном (торговли, промышленности и земледелия), Чжан Гоганем (министр образования). Дата приказа – 6 число 6-го месяца 4[-го] года Республики».

Любопытной характеристикой Юань Шикая как крупной политической фигуры в истории республиканского Китая откликнулся на его смерть известный в Харбине китаевед И.А. Доброловский, опубликовавший под своими инициалами «И.А-ч» (Илья Амвлихович) статью «Смерть президента Юань Шикая» в газете «Харбинский вестник» (№ 3786 от 28 мая 1916 г.). Об его оценке китайского политического деятеля позволяют судить приводимые ниже пассажи из упомянутой статьи: «Телеграфное сообщение из Пекина о смерти Юань Шикая произвело во всем Китае огромное впечатление своей неожиданностью в момент наибольшего напряжения его борьбы со своими активными и пассивными противниками. Правда, уже около двух недель до этого печать сообщала о недомогании президента, замкнутой его жизни, прекращении приемов, изменении его делового режима и проч. Но все эти слухи принимались за скрытый ход политической борьбы...

По некоторым сведениям, Юань Шикай умер от смешения методов и рецептуры европейской и китайской медицины. Его лечили французские и китайские врачи, причем больной по собственному выбору исполнял или игнорировал их указания, или, наконец, глотал сразу все снадобья латинской и восточной „кухни“, вызвав по этому поводу злорадное замечание одной из пекинских газет о сомнительной пользе такого лечения[11].

Так прервалась жизнь несомненно крупной исторической личности, ловкого царедворца, временщика, либерального (? – *А.Х.*) *президента, а затем диктатора с сильной и твердой волей, императора в течение [почти] 100 дней и опять президента-диктатора...*

Для всех иностранцев, кроме японцев, Юань Шикай был символом всего Китая; его считали настоящим китайцем, продуктом [традиционного] уклада китайской жизни, ее политическим барометром».

На фоне сообщений российской печати по поводу смерти Юань Шикая особенно ценной представляется депеша Н.А. Кудашева от 25 мая 1916 г. (№ 23), в которой говорилось: «Приезд мой в Пекин совпал с резким ухудшением во внутреннем положении Китая. Возлагавшиеся Центральным правительством большие надежды на благоприятные для него результаты трудов нанкинской конференции рухнули, не найдя никакого другого выхода из кризиса, кроме отставки Юань Шикая, которой, однако, пока не сочувствовали генералы Фын, Ни и Чжан [Фэн Гочжан] – инициаторы конференции. Последовавшее затем объявление независимости Сычуани, Шэньси и части Шаньси доказало, что движение перешло и на север Китая и что таким образом абсолютно верными Юань Шикаю остались лишь две провинции Чжили и Хэнань, так как в прочих беспорядки также начались. Наконец, *полное отсутствие денежных средств у правительства*, заставившее его бросаться во все стороны, выпрашивая у

различных иностранных фирм ничтожные ссуды в несколько сот тысяч долларов, и то, как говорят, под залог драгоценностей Национального музея, лишь бы иметь возможность в конце концов уплатить жалованье солдатам, *не оставляло сомнений, что конец Юань Шикая близок*...

Такова была картина политического положения страны когда неделю тому назад Юань Шикай почувствовал легкое недомогание, выразившееся в слабости всего организма, в отсутствии аппетита и бессоннице. Приглашенный к нему врач французской миссии д-р Бюссиер признал эту болезнь несерьезной и всецело приписал ее легкому нервному расстройству вследствие напряженной работы и волнений, которые пришлось переживать Президенту за последние два месяца. Это недомогание тем не менее не позволило Юань Шикаю назначить мне аудиенцию для вручения ему моих верительных грамот...

Под влиянием [политических] событий в понедельник в здоровье Юань Шикая произошло сильное ухудшение, и спешно вызванный д-р Бюссиер установил все признаки уремии, от которой Президент и скончался во вторник, 24 мая около 10 час. утра. Помогавший Бюссиеру ассистент, [впрочем], не разделяет этого диагноза и на основании опыта, приобретенного долголетней практикой в Китае, видит причину смерти Юань Шикая в самоотравлении ядом, который при введении в организм [человека] вызывает все признаки уремии.

Последняя версия смерти Президента частным образом разделяется [и] в китайских правительственных кругах.

Как только кончина Президента стала известна, в его дворец прибыли все высшие сановники, и на состоявшемся там заседании Совета Министров было решено, что в силу статьи 29-й Конституции власть должна перейти к вице-президенту Ли Юаньхуну.

Как я имел честь телеграфировать Вашему Высокопревосходительству вчера (телеграммой № 341), об этом решении [китайского] правительства Председатель Совета Министров Дуань Цижуй заявил посетившим его сообща всем союзным посланникам, прибавив, что правительство примет все меры к поддержанию спокойствия в стране и к обеспечению безопасности иностранцев. Мы выразили Дуаню наше соболезнование по случаю кончины Президента и обещали нашу поддержку новому законному правительству во всех его [благих] начинаниях...

Хотя вчера в городе и наблюдалась паника среди более зажиточного населения, выразившаяся в массовой сдаче на хранение в [дипломатические] миссии и иностранные банки ценных вещей, ночь все же прошла вполне спокойно.

Теперь еще рано делать оценку настоящему событию. Одно можно лишь сказать, что *смерть Юань Шикая, принимавшего участие во всех крупных событиях Китая за последние 30 лет, не может пройти безрезультатной в истории [этой] страны. Китай теряет умного и энергичного деятеля, подобных которому в стране мало и которые ей крайне нужны в настоящее время*...

В настоящую минуту кончина Юань Шикая имеет то непосредственное значение, что она облегчает разрешение многих вопросов, ибо главное яблоко раздора между Югом и Севером устранено. Принимая, однако, во внимание слабость характера Ли Юаньхуна и желание генералов, игравших роль в событиях последних месяцев, самим встать во главе Китайской Республики, нам следует быть готовыми к тому, что в Китае еще не так скоро утвердится прочный порядок и [появится] устойчивое правительство»[12].

Последовавшие за смертью Юань Шикая политические события, связанные с приходом к власти слабовольного Ли Юаньхуна, лишь подтвердили прогноз российского посланника: в последующие годы в Китае, вернувшемся к республиканской форме правления, развернулась ожесточенная борьба за власть между различными группировками милитаристов, продолжавшаяся не один десяток лет.

Примечания

[1] Дж. Рейд, в частности, указывал, что идея создания национальной религии в виде конфуцианства имела своею целью способствовать подавлению усиливающегося беззакония и распущенности китайской молодежи, но для этого не надо было объявлять конфуцианство государственной религией.

[2] Следует отметить, что интерес к учению Конфуция, явно обозначившийся в период кампании за сохранение его культа в Китае, проявился и в соседней Японии. Еще в январе 1911 г. в Токио вышла книга о Конфуции Саванаяги, бывшего помощника министра иностранных дел, впоследствии занявшего пост президента Императорского университета в Токио, причем значение древнекитайского философа рассматривалось в ней во многих аспектах применительно к Японии, Китаю, Индии и странам Европы. Книга эта во всей полноте излагала вопрос о сыновней почтительности, поэтому она была разослана во все средние учебные заведения Японии. Как отмечала газета «Джапан уикли кроникл», поместившая 26 декабря 1912 г. статью анонимного автора под названием «Китайская мораль в Японии», в этой книге, несомненно, была представлена официальная точка зрения на мораль, изучение которой в японских школах считалось весьма желательным.

[3] Газета «Миньчжи бао» в номере от 12 сентября по поводу торжественного празднования для рождения Конфуция писала, что праздник этот не должен отличаться одним внешним видом, но должен сопровождаться сердечным восприятием тех идей, которые заключаются в книгах святого Конфуция.

[4] АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, 1913, д. 865, л. 7, 12–13.

[5] Там же, л. 11.

[6] Среди таких деятелей российский дипломат упоминал вице-президента Ли Юаньхуна, министра иностранных дел Лу Чжэнсяна, сановника–государственного контролера Сунь Баоци и советников при Президенте адмирала Цай Тингана и генерала Мунте, которые свой взгляд на изменение формы государственного устройства Китая обосновывали несочувствием китайской интеллигенции и большинства представителей прессы старому монархическому строю, но главным образом опасением, что Япония может воспользоваться предполагаемой переменой для

более активного вмешательства во внутренние дела Китая с целью территориальных захватов.

[7] АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1915, д. 41, л. 51–52.

[8] Там же, л. 53.

[9] Там же, л. 49.

[10] Подробнее об этом см.: *Хоу Ицзе*. Юань Шикай цюань чжуань (Полная биография Юань Шикая). Пекин, 1994; Баши Сань тянь Хуанди Мэн (Мечтания Юань Шикая в течение 83 дней своего императорского правления). Пекин, 1983.

[11] Аналогичной версии о причине смерти Юань Шикая придерживался и автор хроникальной заметки под заголовком: «Умер маститый президент Республики... экс-император Юань Шикай», опубликованной 27 мая 1916 г. в «Харбинском вестнике» (№ 3785). Это видно из нижеследующего отрывка: «Лишь в последние дни политическая буря, разыгравшаяся на юге Китая, пошатнула железный организм Юань Шикая. К числу других болезней прибавилось сильнейшее нервное расстройство. Лишенный европейского образования, Юань Шикай не доверял европейской науке, но был настолько умен, что знал истинную цену китайской медицине. Выход из этого тупика президент нашел весьма неудачный – он принимал как президент одновременно и лекарства французских врачей, и снадобья китайских медиков, питая надежду, что какое-нибудь лекарство поможет против грозного недуга... [Такое] своеобразное лечение приблизило роковой конец, и Юань Шикая не стало. В истории Китая перевернулась новая страница». Последняя фраза в цитированном отрывке наводит на предположение, что автором заметки был также харбинский китаевед И.А. Доброловский, перу которого принадлежит опубликованная 16 декабря 1915 г. (№ 3642) в «Харбинском вестнике» статья «Избрание Юань Шикая на царство» (за подписью – И. Доброловский).

[12] АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1916, д. 35, л. 22–23.